

Направления и методы исследования личности

Валерия Мухина, Туяна Дугарова

МЕТОД НАУЧНОЙ ФОТОГРАФИИ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются история научной фотографии, требования к фотографии в психологии личности и этнопсихологии; сформулированы принципиальные подходы к системным требованиям научной фотографии: ученый-фотограф должен соответствовать требованиям натуралистически точного изображения объекта.

Ключевые слова: научная фотография; системные требования к научному фотографированию; требования к профессиональным качествам ученого-фотографа; научная фотография как дополнение и обогащение научного текста.

Abstract. This article includes the history of a scientific photo, the requirement to photographic data in personality psychology and anthropology; basic approaches to system requirements of a scientific photo are formulated: the scientist-photographer should be ready to render the exact image of object.

Keywords: a scientific photographic data; system requirements to scientific photographing; requirements to professional qualities of the scientist-photographer; a scientific photo as addition and enrichment of the scientific text.

Научная фотография представляет собой самостоятельный раздел фотографии, в котором фотографические средства и методы сбора материалов используются для получения и анализа информации, а также для наглядной иллюстрации.

Уже с середины XIX в. использовался метод научной фотографии. Прежде всего, этот метод вошел в анналы физической антропологии, когда экзотическая культура определяла темы снимков представителей

Е. Тиссо –
основоположник
научной фотографии

различных рас, этнических и физических типов. Основоположником метода фотографии принято считать француза Е. Тиссо, который в 1845 г. совершил экспедицию на Мозамбик и сделал серию снимков заморских народов [1].

Ч. Дарвин иллюстрировал фотографиями выражение эмоций

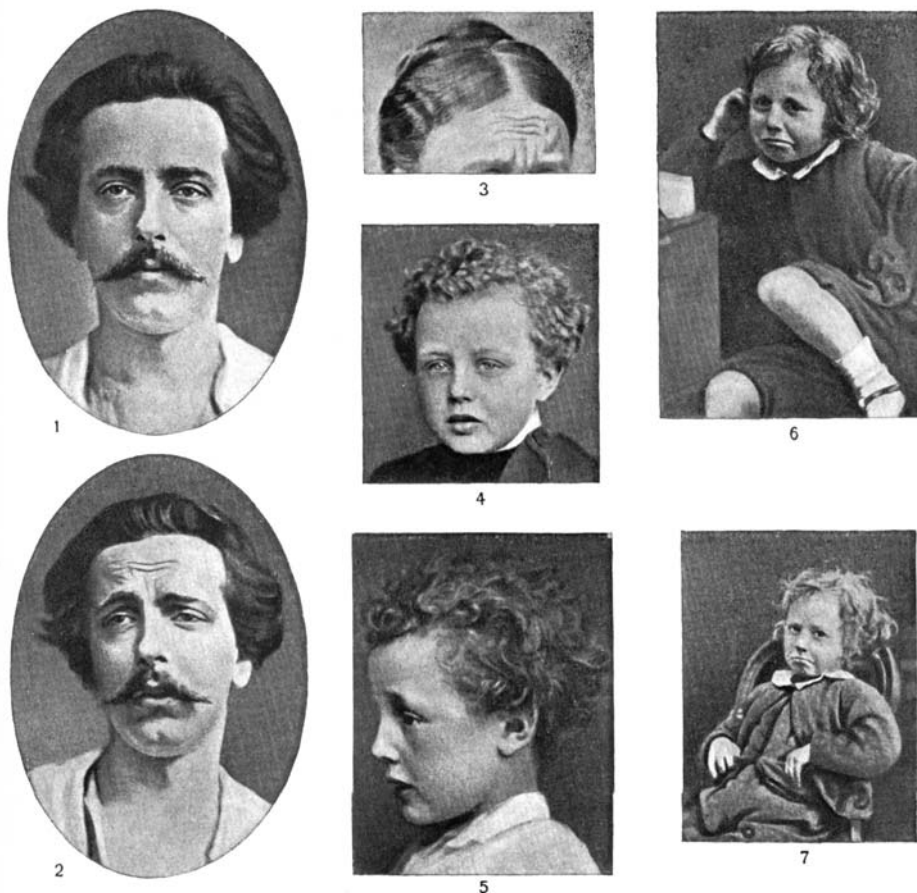
Ч. Дарвин, работая над своим классическим трудом «Происхождение человека и половой отбор», широко пользовался рисунками множества художников, готовящих для него изображения многих видов животных. Работая над другим классическим трудом «Выражение эмоций у человека и животных» [2], он пользовался фотографиями специально сделанными для него и отобранными для иллюстрации его наблюдений и его внутреннего видения сущностных особенностей выражения эмоций. Ч. Дарвин описал и проиллюстрировал: ассоциированные привычные движения и действия у человека и животных; условные знаки;

выражения острой боли, ярости, радости, ужаса; душевные состояния возбуждения и угнетения; агрессию и подготовку к драке; специальные выражения у животных и у человека: страдание и плач; упадок духа, тревогу, горе, уныние и отчаяние; радость, приподнятое настроение, любовь, нежные чувства, благоговение; раздумье, размышление, дурное настроение, угрюмость, решимость, ненависть и гнев; пренебрежение, презрение, отвращение, чувство виновности, гордость, беспомощность, терпение, утверждение и отчаяние; удивление, изумление, страх, ужас; повышенное внимание к себе, стыд, застенчивость, скромность и др.

Каждая эмоция была тщательно описана и проиллюстрирована фотографиями или рисунками с фотографий.

Телесные и душевные страдания

Упадок духа, горе

Иллюстрации
фотографиями
эмоций придавали
им особую
значимость

Труды Ч. Дарвина придали фотографии особую научную значимость.

После опубликованных Ч. Дарвином в 1872 г. материалов о выражении эмоций у животных и человека стала формироваться так называемая библиотека естественных наук. Учеными собирались материалы научных фотографий, отражающих не только эмоциональные состояния и психологию социальных взаимодействий высших животных и человека, но и антропологические характеристики человеческих рас, их традиционные виды деятельности и особенности традиционных форм отношений к объектам религиозных культов, отношений внутри рода при взаимодействии старших и младших поколений, отношений между мужчинами и женщинами рода, этноса, государства и мн. др. Это были учебники и монографии по антропологии, этнографии, этнопсихологии и другим

Ненависть

Гнев

Пренебрежение

Научная фотография стала заменять художников-рисовальщиков

отраслям знаний, заинтересованным в освещении феноменологической сути особенностей самопрезентации представителей многих родов и этносов, населяющих просторы природного и геоисторического пространства Земли.

Научная фотография постепенно стала заменять художников-рисовальщиков, профессией которых было доподлинное изображение типов многочисленных рас в их традиционных одеждах, в исконной деятельности, в обычаях, в инициациях, в верованиях, взаимоотношениях и мн. др.

Процесс замены рисунков специалистов-художников происходил весьма небыстро: ученые – представители наук, заинтересованные в изучении человека, консервативно продолжали пользоваться привычным способом иллюстрирования своих работ – рисунками художников-рисовальщиков. Так, например, Э. Ю. Петри, профессор Императорского С.-Петербургского университета, иллюстрировал свою монографию по антропологии рисунками рисовальщиков. Это были таблицы, изображающие антропоморфологические особенности представителей разных рас и высших обезьян (череп, скелеты и др.), одежды и бубны шаманов, фетиши представителей родовых культур, а также рисунки доисторической поры представителей разных рас. Иллюстрированный материал сам по себе был весьма ограничен и бессистемен [3].

Фотография как метод научного исследования развивалась как в рамках заинтересованных наук, так и в деятельности специалистов по фотографическому делу.

В конце XIX в. фотография стала научным методом

В конце XIX в. повсеместно начали появляться сообщества деятелей по фотографическому делу – как искусству художественной фотографии и как методу доподлинной фиксации предмета наук, заинтересованных в документации изучаемых объектов исследования.

Презрение

Отвращение

В это время в России был проведен первый съезд русских деятелей по фотографическому делу [4]. На этом съезде с примечательным докладом выступил ученый Е. Ф. Буринский [5]. Докладчик выразил должное уважение французскому ученому и фотографу – вице-председателю фотографического общества Луи Альфонсу Даванну, который в 1885 г. указал на великое значение фотографии для науки и техники. Л. А. Даванн указал на то, что фотография исполняет роль

«идеального рисовальщика, секретаря и протоколиста, верного спутника исследователя, беспристрастного историка видимых явлений» [6]. Фотография, согласно пониманию Л. А. Даванна, есть совершенное орудие запечатления и регистрации явлений, она вносит особый вклад в общий прогресс человеческого знания.

Фотография стала исполнять обязанности историка видимых явлений

Е. Ф. Буринский через десять лет после Л. А. Даванна указал на то, что роль фотографии значительно расширилась: «Оставаясь по-прежнему незаменимым средством запечатления и регистрации, она оказывается могущественным орудием исследования. Прежде она *сопровождает* ученого; теперь *ведет его за собой* <...> она сама открывает исследователю новые области для наблюдений, в которые иными путями нельзя проникнуть» [7].

Фотография стала иллюстрировать труды представителей многих отраслей знаний

Согласно Е. Ф. Буринскому, «фотография исполняет обязанность историка *видимых* явлений <...> фотография позволила нам переступить один из пределов непосредственных ощущений, разрушила одну из преград, поставленных природою на пути нашей зрительной способности» [8]. Исследователь писал о том, что мы слишком медленно смотрим, тогда как фотография смотрит несравненно быстрее, при этом «фотография не только смотрит скорее нас, но и видит лучше, чем мы» [9]. Е. Ф. Буринский обращался к указаниям ученых, которые высоко оценивали ценное для науки свойство фотографии.

С середины XIX в. метод научной фотографии широко использовался членами Русского географического общества. Российская империя, охватывавшая огромные пространства Евразии, была поставлена перед необходимостью их изучения и освоения. Организовывались

натуралистические, этнографические, геолого-географические экспедиции в малоизученные регионы страны – Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток. Фотографическое документирование различных событий, быта и традиций многочисленных народностей России позволило распространять полученную информацию в мировом масштабе [10].

Исследования на основе метода научной фотографии стали пользоваться большой популярностью в 70-х и 80-х гг. XIX в., когда английский антрополог Эдвард Бернетт Тейлор делал снимки представителей индейских племен в Америке [11]. С 20-х г. XX в. фотография становится исследовательским инструментом социальных антропологов на островах Полинезии: Бронислава Малиновского [12], Раймонда Фирта [13], Эдварда Эвана Эванс-Причарда [14]. Антропологи и этнографы фотографировали объекты материальной культуры (например, традиционные татуировки, шейные украшения, украшения плеч, этнические одежды, жилища, орудия труда и охоты, территории пастбищ, огороды и др.), формы общественного поведения, обрядов в сфере религии, магии, праздников и др.

«Энциклопедическое фотографирование» проводилось Альфредом Рэдклиф-Брауном в Австралии [15]. Эдмунд Лич широко пользовался фотографическим методом: его внимание привлекли долинные сообщества рисоводов на Шри-Ланке [16]. Антропологический проект Эдуарда Вивейрос де Кастро, посвященный коллективным интеракциям, был выполнен в среде представителей племени явалапители в Мато Гроссо в Бразилии [17]. Темой его снимков стали ритуальные танцы со всем их сакральным оформлением, разнообразными одеждами и орнаментами тела.

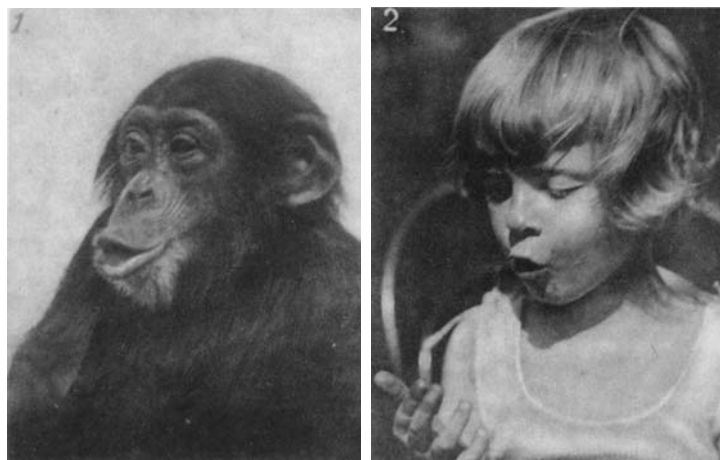
Научное фотографирование постепенно входило в новые отрасли науки и практики. Так, в конце XIX в. (1879–1888) во Франции Альфонс Бертильон фотографировал заключенных, чтобы классифицировать их физические типы [18]. Он ввел до сих пор использующийся в практике криминалистики метод антропометрии: фронтального и профильного фотографирования на гладком фоне [19].

С 1888 г. А. Бертильон стал именоваться «директором полицейской службы идентификации» [20]. В начале XX в. в Италии Чезаре Ломброзо свои теоретические идеи иллюстрировал фотографиями и рисунками преступников, психически больных и т.д. [21].

Научные
фотографии
завоевывали новые
отрасли науки

Н. Н. Ладыгина-Котс использовала системное фотографирование

Отдельно надо указать на исследования с использованием фотографий, проводимые натуралистами. Прежде всего, следует отдать должное Н. Н. Ладыгиной-Котс. Она широко пользовалась методом научной фотографии, когда исследовала шимпанзе Иони (с 1,5 до 4 лет) в период с 1913 по 1916 г. и собственного сына Руди (со дня его рождения до 4 лет) в период с 1925 по 1929 г. Исследователь проводила наблюдения и фотографировала в течение семи лет. Позже она обрабатывала материалы в течение пяти лет. Иллюстративный материал представлял собой оригинальные фотографии или первые эскизы с шимпанзе Иони, сделанные художником-анималистом В. А. Ватагиным и целым рядом других художников при непосредственном участии самой Н. Н. Ладыгиной-Котс.

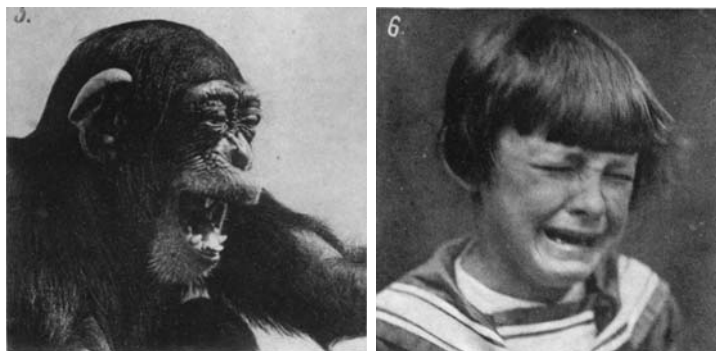

Волнение шимпанзе и ребенка

Дневники, воспроизводившие поведение шимпанзе Иони и ребенка Руди, были разделены двенадцатилетним периодом. Оба малыша развивались и наблюдались одновременно, они не могли непосредственно оказывать влияние друг на друга. Дневник о ребенке писался как типичный дневник матери. Наблюдение постоянно сопровождалось фотографированием – сотни и сотни фотографий подвергались анализу и классификации.

Н. Н. Ладыгина-Котс писала о своей работе по наблюдению Иони: «Я наблюдала и детально записывала его поведение, но что значили бы эти записи без фотоснимков, которые документально закрепили для других не только то, что видел мой глаз, но довели до

Фотоснимки документально отражают то, что не в состоянии уловить глаз

Мимика плача у шимпанзе и ребенка

моего сознания детали, которые за их минутиозностью и мимолетностью я не в состоянии была б уловить и зафиксировать» [22].

Фотографии делали профессиональные художники-фотографы и профессиональные ученые-фотографы, которые «в изумительной быстроте схватывания тончайших био-психологических моментов и художественности обработки негативов, обеспечивали превосходную фототипическую передачу снимков». В работе представлено 145 таблиц, в каждой из которых размещено до шести фотографий; отдельно приводится множество профессионально сделанных рисунков.

В работе анализировались и приводились сравнения: лица и поз в статике (сидение, стояние, лежание); динамических поз (ходьба, бег, лазание); эмоций ребенка и шимпанзе (общей возбудимости, печали, радости); инстинктов человека и шимпанзе (лечение, питание), собственный человеческий инстинкт, инстинкт свободы, инстинкт самосохранения (защиты и нападения), инстинкт общения (социальный инстинкт); игры человека и шимпанзе (подвижные игры, развлечения звуками, игры экспериментирования, игры ознакомитель-

Мимика и жесты веселого настроения ребенка и шимпанзе

Системное фиксирование фотосъемкой – продуктивный метод исследования

Внешние выражения ласки у ребенка и шимпанзе

ные, разрушительные игры, игры проявления воли, своеволия, игры хитрости и обмана, подражательные развлечения); употребление орудий, конструктивные игры ребенка; язык жестов; привычки и др. Кроме того, Н. Н. Ладыгина-Котс проводила сравнительный анализ сходства и различия в поведении дитяти человека и дитяти шимпанзе.

Собранный материал потребовал колоссальных долговременных усилий многих и многих художников,

Употребление молотка у ребенка и шимпанзе

фотографов и тонких наблюдений натуралиста-исследователя. Результаты столь трудоемкой работы были высоко оценены ведущими биологами, психологами и фотографами стран Европы, США, СССР.

По настоятельному предложению Н. Н. Ладыгиной-Котс В. С. Мухина стала вести наблюдения за своими сыновьями-близнецами. Она также пыталась, следуя примеру своего учителя, собирать фотоматериалы, однако в ту пору не было научно обоснованного подхода к системному сбору визуальных образов, отражающих тенденции развития личности ребенка и не было рядом профессионалов научного фотографирования. Дневники в опубликованных монографиях были иллюстрированы лишь некоторым количеством фотографий и типичными для возраста детскими рисунками* [23]. Фотографии детей в своем большинстве вошли в анналы семейного архива, а рисунки – в арсенал исследований особенностей знаковой функции сознания, запечатленной в графических образах. Позднее В. С. Мухина разработала системные требования к научному фотографированию.

Метод научной фотографии постепенно внедрялся в зоопсихологию. Метод научной фотографии использован психологом и философом В. Келером при изучении способностей животных к решению интеллектуальных задач [24]. По мнению Дж. Гудолл, описание и фотографирование поведения шимпанзе, сделанное В. Келером, «относится к наиболее точным и глубоким из имеющихся в научной литературе» [25]. Дж. Гудолл были описаны результаты и представлены фотографии уникальных многолетних наблюдений над шимпанзе в естественных

Метод научной
фотографии
в зоопсихологии

* На сегодняшний день существуют: два издания дневников «Близнецы» и три издания с комментариями и глоссарием двухтомника «Таинство детства».

Большой
исследовательский
проект Г. Бейтсона
и М. Мид

Фотографии
представителей
разных рас в
антропологии

условиях обитания. Как документальное описание практических аспектов жизни шимпанзе книга имеет непреходящую научную ценность.

В 1940-е гг. XX в. Грегори Бейтсон и Маргарет Мид выполняли большой исследовательский проект «Балинезийский характер. Фотографический анализ» [26]. Они создали около 25 тысяч снимков культуры народов Бали, сконцентрировавшись на социализации, образовании и воспитании (интеракции родителей и детей, контакты между самими детьми). Исследователи хотели показать, как формируется индивидуальность отдельной личности. В результате двухэтапной селекции были выбраны сначала шесть тысяч, а потом 759 снимков, которые были опубликованы. Упорядоченные в тематической таблице в соответствии с такими категориями, как, например, пространственная ориентация, учеба, интеграция и дезинтеграция тела, родители и дети, родственники, стадии развития ребенка, ритуалы перехода и снабженные обширными комментариями, они содержат огромный массив научных знаний благодаря двум равнозначным посредникам – фотографиям и текстам.

В XX в. в СССР по причине так называемого железного занавеса антропологам было весьма затруднительно использовать фотографии представителей разных рас. Так, например, краткий курс антропологии, разработанный В. В. Бунаком, М. Ф. Нестурхом, Я. Я. Рогинским, представлял собой труд, состоящий из следующих разделов: антропогенез, мерология, соматология, человеческие расы [27]. Труд был оснащен 211 рисунками (мерология), 134 картами (расселение рас) и 35 фотографиями представителей разных рас мужского пола. Малое число фотографий демонстрирует ограниченные возможности ученых того времени.

Особое направление в фотографии заняло фотографирование человеческого тела с целью изучения его расовых, половых, возрастных различий для многих и многих отраслей знаний: антропологии; истории культуры и, в частности, истории культурологического восприятия и оценки нагого тела как физической, так и эстетической ценности в разные исторические периоды; психологии восприятия человеком человека; психологии общения в обыденной жизни, в отношениях лидеров и подчиненных (а также – масс), в отношениях мужчин и женщин, взрослых и детей, стариков и младших поколений и мн. др.

В течение столетия в научной и популярной литературе не раз выходили книги, иллюстрированные фотографиями и посвященные исследованиям культурологической ценности человеческого тела.

Фотографии
К. Штраца в проекте
«Расовая женская
красота»

На рубеже XIX и XX вв. немецкий антрополог Карл Штрац создал монографию «Расовая женская красота». Этот проект предлагал широкой читающей аудитории вариации антропологии женского тела. Автор насытил свой труд фотографиями молодых женщин разных рас и этносов. К. Штрац отважился излагать проблемы, которые были под запретом в тот период жизни Европы. Антропологическая и анатомическая информация подавалась в поэтическом стиле описательных текстов и в виде фотоснимков по большей части обнаженной натуры. Его методами исследования были: 1 – измерение тела по выделенным параметрам; 2 – фотография, которая четко отражала измеряемые параметры. Когда в распоряжении исследователя были только фотографии, то К. Штрац наносил канон на диоптрическое изображение [28].

Понятия «раса» и
«народ»

Обсуждая проблему расовой женской красоты, К. Штрац счел для себя правомерным понять различия между словами «раса» и «народ». Для этого он обратился к авторитету Эрнста Гроссе, который писал, что под расой следует понимать «большую группу людей, которые связаны между собой *общим наследственным обладанием определенного врожденного физического и умственного габитуса* и которые отличаются от других подобных же групп. Под *народом*, наоборот, этнология понимает большую группу людей, которые связаны в одно целое *общим обладанием известных приобретенных культурных благ* (из коих важнейшим является язык) и которые отличаются от других подобного же рода единиц. Понятие о народе – культурно-научное, понятие о расе – естественно-научное. Народный характер внушен, расовый характер врожден» [29].

Монография К. Штраца представляет собой лишь исторический интерес: взявшись сделать обзор важнейших женских расовых особенностей, автор не смог предоставить науке типологию наследственного обладания врожденных особенностей женского физического габитуса*. Он пришел также к выводу о том, что строгое разграничение женской красоты («высшей красоты») с математической точностью решительно

* Габитус – от лат. *habitus* внешность, внешний облик.

Мужское тело
в истории культуры

невозможно. При этом автор признавал, что тема далека еще не исчерпана [30].

На рубеже XX и XXI вв. отечественный исследователь И. С. Кон предпринял попытку изучить тенденции презентации мужского тела в истории культуры. Разрабатываемый И. С. Коном проект предлагает заинтересованным специалистам и широкой аудитории значимые культурологические проблемы: нагота как физическая и эстетическая ценность; образы мужского тела в разных цивилизациях (в древнейших, в античных, в средневековье и в современной массовой культуре) [31]. Автор обсуждает: проблемы духовности и телесности человека; маскулинности, атлетизма и милитаризма; мужское тело в современной массовой культуре. Большая часть иллюстраций представляет собой изображения живописных и скульптурных произведений.

И. С. Кон
о социальном
контроле над телом

Тема «Мужское тело и современная массовая культура» иллюстрирована исключительно фотографиями. Фотографии в этой части работы показывают результат эволюции общего телесного канона и конкретных социальных стереотипов маскулинности. И. С. Кон наглядно демонстрирует, что неформальность одежды и рост общественной терпимости к наготы не отменяют социального контроля над телом. Фотографы массовой культуры специально изыскивают модели, несущие в своей телесности стереотипы физической эталонности и запечатлевают телесную и внутреннюю сексуальность в качестве наглядного призыва потребителя массовой культуры. В целом, монография И. С. Кона предоставляет читателю эталонные образы мужского тела в истории народов мира и поощряет любопытство человека к человеческому телу.

Фотографии
в социологических
исследованиях

О фотографии как методе социологического исследования специально писал П. Штомпка [32]. Он подробно проанализировал основные вехи развития социально ориентированной фотографии; он описал подходы к презентации общества через фотографический объектив. При этом особое значение им придавалось человеческой личности, социальному взаимодействию, коллективности, обществу. П. Штомпка тщательно проанализировал фотографический образ как предмет интерпретации.

П. Штомпка рассматривал метод фотографии как обогащение метода наблюдения. Он разделил наблюдение посредством фотографирования на наблюдение внутреннее и наружное, открытого или скрытого фотографирования.

Фотография
как дополнение
и обогащение
наблюдения

Исходя из анализа трудов по фотографированию и собственному эмпирическому опыту как методу работы в научном оснащении таких отраслей знаний, как психология личности и этнология, мы можем указать на следующие значимые для получения результатов обстоятельства.

В случае внутреннего наблюдения исследователь входил в изучаемый коллектив, выполняя характерные для него функции, подражая типичным способам жизни, осваивая господствующие правила, нравы и обычаи и др. В результате члены коллектива принимают исследователя за своего [33]. П. Штопка полагал, что фотография является дополнением и обогащением наблюдения, что «фотография представляет собой квазитекст» [34]. Однако использование понятия «квазитекст» * уводит нас к значениям «мнимый», «ненастоящий текст» – очевидно, вернее и точнее было бы говорить о визуальных образах исследуемых объектов, социально-психологических феноменах и др. П. Штопка настаивал на том, что, дополняя наблюдение, научная фотография несет в своем потенциале исключительно значимые возможности обогащения непосредственного визуального наблюдения и вербально выражаемого научного текста.

П. Штопка трактовал фотографию «как дополнение к выработанному арсеналу методов и технике исследования, как дополнительное вспомогательное средство познания общества» [35]. С. Зонтаг писала: «Фотографию обычно считают инструментом познания реальности... Фотография предоставляет доказательства. Нечто, о чем мы слышали, но в чем сомневаемся, представляется доказанным, когда нам показывают снимок... Фотография служит неопровержимым доказательством...» [36].

В классических исследовательских проектах, выполняемых этим методом в первую очередь социальными антропологами в полевых исследованиях (Бронислав Малиновский [35], Грегори Бейтсон [38], Маргарет Мид [39] и др.), основным инструментом наблюдений была записная книжка, однако исследователи должны были пользоваться и фотографированием.

В клинической практике широко применяется составленный А. Гезеллом «Атлас поведения младенца», содержащий 3200 фотографий, фиксирующих двигательную активность и социальное поведение ребенка от рождения до двух лет [40]. Фотографический цикл поль-

Фотографический
цикл,
сопутствующий
наблюдению за
развитием ребенка

* Квази – лат. *quasi* как будто, будто бы, напр.: квазинаучный, квазиученый.

Использование
фотографий в
лабораторных
ситуациях

Научное
фотографирование
пространственных
дистанций

Фотографии должны
быть системно
подобранными

ского психолога Э. Франуса представляет собой несколько сотен снимков, сделанных в течение нескольких лет в ходе наблюдения за развитием собственной дочери [41].

В социальной психологии используется метод фотограмметрического измерения дистанций взаимодействия в кросскультурных контактах [42]. Во время школьных перемен фотографировали разговаривающие пары учеников. Затем были отобраны такие снимки, на которых были видны фигуры целиком, особенно лица и ноги, а также разговаривающие, стоящие в профиль к камере. Снимки подвергались сложной графической и математической обработке с измерением дистанции между разговаривающими в зависимости от принимаемой позы и с коррекцией расстояния каждой пары от фотографа.

Эдвард Холл, используя метод научной фотографии, сосредоточил свое внимание на пространственной дистанции и способе использования дистанции партнерами. На основе анализа фотоматериалов он выделил в интеракциях различные виды дистанции: интимный, индивидуальный, общественный и публичный. Э. Холл выявил кросс-культурные особенности проксемики англичан, французов, арабов и японцев. Он писал: «Негры и латиноамериканцы имеют совершенно иные проксемические образцы» [43].

Современные антропологи мира получили возможность основательного научного оснащения своих трудов фотографиями. Системный подбор фотографий для научных монографий, безусловно, обогащает научное исследование – ведь визуальное подкрепление текста дополняет его содержание достоверной наглядностью иконических образов, а системный подход к собираемому материалу объективно углубляет возможности научного потенциала исследования. Однако из-за концептуальной недостаточности нередко научные труды по антропологии и этнологии и сегодня оснащаются научными фотографиями в весьма усеченном виде.

В недавно вышедшей монографии отечественного этнолога О. Ю. Артемовой представлены формы социальной организации собирателей, рыболовов и охотников Австралии, Африки и Южной Азии [44]. Автор, презентуя методы своего подхода к исследованию, обсуждает собственные подходы к поиску ответов на поставленные цели [45]. В монографии не обсуждается и не обосновывается метод научной фотографии, а 44 прекрасные фотографии используются лишь как иллюстрации к тексту.

Сегодня антропологи и социологи феноменологического направления обращаются к интерпретации визуального, стремясь к изучению микроконтекстов повседневной жизни, способов и идеологий производства визуальных образов. К числу современных исследователей, активно использующих метод научной фотографии, можно отнести М. Л. Бутовскую, которая, однако, нередко использовала спекулятивный фотоматериал. Например, автор, иллюстрируя сходство мимики человека и обезьяны, позаимствовала фотосайт *www.bushorchimp.com*, где было предложено 13 сопоставлений мимики Дж. Буша и шимпанзе. Это некорректное заимствование уничижает ценность научной работы [46].

Фотография может быть иллюстрированной энциклопедией быта и бытия цивилизаций

В современной зарубежной антропологии и психологии метод научной фотографии используется в нескольких аспектах: как дополнительный источник получения информации; как метод, стимулирующий добычу информации у респондентов; как метод психологической поддержки и коррекции. С. Гелмен писала, что фотография в широком понимании – источник познания и при научной обработке иллюстрированная энциклопедия быта и бытия цивилизаций [47]. Р. Хардл рассматривала методологические вопросы, связанные со сбором и презентацией визуальных данных [48]. По мнению П. Китс, при исследованиях различных феноменов для улучшения качества понимания необходимо использовать множественный нарратив: устный, письменный и визуальный на основе метода научной фотографии [49]. С. Панч использовала метод научной фотографии в крупном проекте по исследованию детей Боливии наряду с методом включенного наблюдения и анализом рисунков, дневников, тетрадей [50].

Фотографии в арсенале полевых методов

С. Гоулд включала метод фотографии в арсенал полевых методов при исследовании мигрантов: евреев из бывшего Советского Союза, вьетнамцев и израильтян. Фотография как визуальный метод выполняет несколько функций: отражает контекст исследования, способствует анализу результатов и приближает исследование к студентам и коллегам. Более того, по мнению исследователей, фотография способствует пониманию и принятию мигрирующих сообществ, эффективному использованию иностранной рабочей силы мигрантов и учету гендерных стереотипов [51].

Проблема конструирования дискурса идентичности трех поколений немцев, живущих в городе на границе

Фотографии
в
малоисследованных
областях

Время иконического
поворота

между бывшим ГДР и Западной Германией, обсуждалась в работе У. Майнхофа и Д. Галасинского [52]. Было показано, что формирование идентичности каждого поколения сопряжено с изменениями в социально-политической обстановке, выбором жизненных ценностей, внутренней напряженностью и конфликтностью. Авторы использовали фотографии прошлых символов и событий, которые выступили как «спусковые механизмы» для рассказов представителей разных поколений о самих себе.

Метод фотографии часто используется в малоисследованных областях. Например, при исследовании женщин, подвергшихся насилию, фотографии использовались в образовательном профилактическом проекте [53]. Л. Линденберг проводила исследование с матерями-подростками слабо развитых экономических районов Кейптауна в Южной Африке. По ее мнению, обращение к методу фотографии способствует объективации данных. Показано, что использование визуальных методов способствует увеличению валидности данных, привлечение изображений как инструмента коммуникации увеличивает участвующий контроль над процессом исследования [54].

Теоретический и практический интерес к фотографии усилился в последнее время, так как в современных гуманитарных науках произошел «настоящий переворот», обусловленный усилением интереса к изучению визуальной культуры в эпоху «цивилизации образа», «цивилизации иконического поворота» [55]. «Иконический поворот – означающее сдвига в социально-культурной ситуации, при котором онтологическая проблема переводится в план анализа визуальных образов. Он следует за онтологическим, лингвистическими поворотами и фиксирует отход в средствах коммуникации от вербального способа к визуальному» [56]. В. Савчук писал: «Иконический поворот подразумевает, что в истоке формирования актуальной реальности исключительна роль образа, воздействующего на этико-политическую и экономическую составляющую жизни» [57]. Исследователи отмечают, что «фотография подверглась концептуализации: она теперь может встраиваться в инсталляцию как знак, отсылающий ко всему полю значений, который с ней связан». З. Кракауэр, заявляя о сродстве фотографии с реальностью, писал: «Специфические и отличительные свойства фотографии – это ее реалистическая тенденция при отчуждающем воспроизведении и формообразующих возможностях» [58].

Манипулирование
фотографическими
изображениями
в социологии

Социологическое направление, использующее метод научной фотографии, представлено исследованиями С. Зонтаг [59], анализирующей механизмы власти, осуществляющейся посредством манипулирования фотографическими изображениями. Феноменологическое направление трактует фотографии как перцептивный механизм, как это характерно для работ Р. Барта [60], З. Кракауэра [61]. Философско-психологические работы посвящены разнообразным функциям фотографии, или рассмотрению фотодокументов в качестве визуальных репрезентаций «глубинных стереотипов» поведения людей [62]. Один из теоретиков визуальных исследований В. Митчелл заявляет, что необходимо изучение визуальной культуры для того, чтобы лучше понять особенности «общества спектакля» [63].

Визуальная
антропология

Новое направление науки – визуальная антропология – ставит своей целью изучение аудиовизуального наследия мировой и отечественной этнографии, фиксацию современной жизни народов, исследование визуальных форм культур и создание аудиовизуальных архивов. Классическая антропология во многом традиционно полагалась на количественные исследования и опросную методологию, стремясь отслеживать сдвиги в обществе, экономике, политике и бизнесе. «Парадигма антропологии признает важность этих ракурсов, но диверсифицирует методологию и предметную сферу своих исследований, обращаясь к исследованию объектов материальной культуры, созданию фотообразов, деконструкции репрезентаций в традиционной культуре в ответ на меняющиеся коммуникационные технологии» [64].

Психология
нуждается
в визуальном
повороте

По мнению В. А. Лабунской, «психология, как ни одна другая отрасль знания, нуждается в обсуждении методологических вопросов “визуального поворота” не только потому, что появились новые течения в гуманитарных науках, но и потому, что изучаемая ею реальность репрезентируется все чаще и больше с помощью визуальных средств» [65]. Многие психологические явления предстают не только как визуальные конструкты, требующие научной интерпретации, или их изучения как феноменов массовой визуальной культуры, но и как свидетельства вариативности репрезентаций одних и тех же явлений в соответствии с культурно-историческим контекстом. Согласно В. А. Лабунской, «у психологии появляется возможность создать “визуальную социально-психологическую историю” не только общества, но и конкретной личности» [66]. Одновременно перед психо-

Аспекты
использования
фотографии

Уникальные
возможности
научной
фотографии

логией встает задача осмысления человеческого бытия в мире визуальной культуры, тем более, что она многократно обращается к таким явлениям, как «образ мира», «картина мира». Но в психологии сложилась традиция относиться к различного рода визуальным репрезентациям, как к иллюстрациям, не имеющим самостоятельного научного значения. Данная традиция нарушается в небольшом количестве работ, утверждающих, что визуальные образы передают чаще всего невербализуемые смыслы и нуждаются в особой методологии исследования. В них также отмечается неизбежность противоречий между вербальными и визуальными репрезентациями тех или иных психологических явлений.

В психологии фотографии используются в нескольких аспектах: как метод социальной идентификации; как внешний аналог памяти [67]; как фактор отношения личности к своей жизни [68]; как форма отраженного внешнего облика, несущая информацию о его динамических, среднеустойчивых и устойчивых особенностях; как средство психодиагностики, психокоррекции и психотерапии; как коммуникативное средство [69]; как новое направление – визуальная психосемиотика [70]. Н. В. Лакосина считает, что «на настоящий момент можно говорить о возникновении отдельной области знания, направленной на исследование “визуальных явлений” – так называемых визуальных исследований» [71]. Особый интерес представляют для психологии исследования, направленные на изучение влияния визуальной культуры на формально-содержательные трансформации традиционно изучаемых феноменов – социально-перцептивных образов, представлений, эталонов, стереотипов, этнической и социальной идентичности. Перед психологией, с одной стороны, стоит задача более широкого привлечения визуальных источников для понимания направлений социальных изменений, а с другой стороны, создания теоретической модели визуальной психологии [72].

Возможности научной фотографии сделали ее незаменимой при регистрации недоступных глазу явлений и процессов, при документировании результатов исследований. Начав свое развитие с появлением фотографии и совершенствуясь вместе с фотографическими процессами, научная фотография стала мощным средством познания. Она многократно расширила возможности человеческого глаза, сделав доступными для наблюдения невидимые излучения, исчезающие слабые изображения, быстротекущие процессы.

Принципиальные подходы к методу фотографии

Требования к социально-психологическим качествам фотографа-исследователя

Сегодня научная фотография – признанное достояние наук, заинтересованных в познании феноменологии человека. Фотография стала одним из важнейших средств информации и документирования, технической основой кинематографии, самостоятельным методом исследования во многих отраслях науки и техники.

В. С. Мухина, специализируясь в психологии личности и этнологии, считает правомерным сформулировать принципиальные подходы к методу сбора материала посредством научной фотографии. Сущность подхода состоит в требовании *обоснованной системности* в сборе визуально значимых фотографий. Понятие «система» востребовано всеми отраслями научных знаний. Методологически самым важным в системном подходе к любому полнокровному исследованию является *ориентир на целостное изучение любого феномена и отказ от элементаризма*.

В. С. Мухина полагает, что касается трудностей вхождения ученого-фотографа в изучаемую среду – сообщество субъектов исследования, то здесь речь должна идти о *социально-психологических качествах исследователя*, который должен обладать навыками общения и, прежде всего, установления эмпатийных контактов.

Благодаря принятию окружающих исследователь должен научиться становиться в определенном смысле невидимым. Исследования, проводимые с применением фотографирования, требуют большого количества времени: нескольких месяцев или лет.

Фотографирование для расширения потенциала научного исследования человека через соответствующие замыслы необходимых для иллюстрации иконических образов требует от исследователя многих специальных навыков установления соглашений с конкретными лицами или группой лиц.

Фотографирование перспективнее всего осуществлять в рамках включенного наблюдения в качестве обмена услугами и дружественного взаимодействия. Следует помнить об индивидуальном и традиционном отношении к фотографированию. Есть отдельные люди, которые не любят, чтобы их фотографировали. Есть культуры, в которых к фотографированию относятся с агрессивным предубеждением. Так, например, даже в городах Арабских Эмиратов считается нарушением приличия фотографировать на улицах людей, особенно женщин. Население может обратиться в полицию или иначе наказать нарушившего правило этики. Реакции

Метод научной
фотографии в
этнопсихологии

Требования к
фотографии и к
ученому-фотографу

отчужденного отношения к фотографу, который вторгся без разрешения в личное пространство человека, можно наблюдать повсеместно. При этом, чем ближе объект исследования к родовой или другой закрытой культуре, тем больше проблем и хлопот у фотографа – будь он представителем иной расы и культуры или представителем того же рода.

При наличии навыков общения с людьми любой культуры, любой ментальности можно вполне успешно собрать системный материал, иллюстрирующий особенности человека как социальной единицы принадлежащей роду, этносу, культуре и как уникальной личности.

Метод фотографирования имеет свои особенности. Там, где фотографирование распространено, оно может быть достаточно лояльно принято. Демонстрация лояльности и достаточная уступчивость в общении может дать положительный эффект: изучаемая группа постепенно перестает обращать внимание на присутствие фотографа. Следует при этом учитывать ландшафты и те части поселений, которые считаются сакральными (тотемные предметы природы: деревья, камни, скалы и др.; храмы, кладбища, жертвенники, места инициаций и др.). Обязательно следует оговаривать с местным населением и особо почитаемыми его представителями возможность работы с фотографированием, объясняя и аргументируя безопасность такой деятельности для населения. Есть вероятность, что готовность поделиться фотографиями побудит людей к согласию.

Фотограф может открыто завязывать отношения с наблюдаемыми, объясняя им свою роль исследователя. Между фотографом и наблюдаемыми могут быть построены партнерские отношения. Открытые отношения носят этически более верный характер, чем фотографирование исподтишка.

Фотография, безусловно, является формой описания в виде специфических визуальных образов, которые нельзя уподобить рисунку художника или его живописному произведению [73], формой, которую нельзя уподобить и документальному фильму.

Фотография может нести в себе те же искажения, что и изобразительные творения художника: в первом случае это искажения, связанные с непрофессионализмом фотографа, во втором случае это аконстантное или особое претенциозное художественническое видение предмета изображения. *Ученый-фотограф должен соот-*

ветствовать требованиям натуралистически точно-го иконического изображения объекта.

Серия научных фотографий должна создавать зрительный ряд, который расширяет рамки научного текста

Если «природные ландшафты, городские пейзажи, цветы, фрукты, чужие лица вбирают в себя человеческую самость художника» [74], то научная фотография предназначена для отчужденного от художественной самости фотографа объективного изображения момента явления, состояния человека и других феноменов, которые должны быть запечатлены фотообъективом.

Необходим системный сбор фотографий

Что касается системного сбора фотографий, то визуально значимый ряд должен раскрывать сущностные идеи концепции личности во всех пространствах социальных сфер.

Следует исходить из учета реальностей существования человека

Исходя из своей концепции личности, В. С. Мухина считает, *во-первых*, правомерным фиксировать *условия развития и бытия личности* на пересечении описанных ею пяти реальностей.

Ключевым подходом к использованию метода научной фотографии является идея В. С. Мухиной о том, что *«развитие и бытие личности определяют реальности существования человека: 1 – предметный мир; 2 – природный мир; 3 – социально-нормативное пространство; 4 – образно-знаковые системы; 5 – реальность внутреннего пространства личности»* [75]. Существующие в пространстве бытийности человека реалии являются для него как бы априорно данными; они – истоки вскармливания его личности как представителя своего рода, своего этноса, проживающего в исторически сложившихся условиях. Каждый этнос имеет свои особенные природно, исторически и духовно создаваемые реалии, которые существуют как во внешне представленном материальном и материально-духовном, так и в их образно-знаковом воплощении. Поэтому системное фотографирование реалий, определяющих развитие и бытие человека, создает особую сферу, обогащающую системно собираемый эмпирический материал исследования.

Фотографии должны отражать сущностные условия жизни людей

Согласно В. С. Мухиной, названные реалии могут быть фиксированы на фотоизображениях и в текстах. В этой связи *для нас значимо фиксировать: 1 – предметный мир: особенности традиционного предметного мира, в том числе жилища, домашнюю утварь, орудия труда, одежду; 2 – природный мир (единое геоисторическое пространство): особенности ландшафта, растительного и животного мира, в том числе тотемных животных и растений; 3 – социально-нормативное пространство (общие культурные составляющие): систему*

поведения и социального контроля (коды внешних проявлений и семантика социальных ролей, выразительные средства поз и жестов, символика жестов и действий, традиционные формы коммуникаций и мн. др.); 4 – реальность образно-знаковых систем: предметы, входящие в систему традиционной культуры; позы и жесты, обозначающие традиционные отношения между «своими» и «чужими», между членами рода в зависимости от пола и возраста; позы и жесты, несущие в себе образно-знаковую традиционную культуру; 5 – общее выражение идентификации с солидаризирующим значением «мы» и отчуждение по отношению к чуждому «они». Особое значение имеет общность культуры и ландшафта родовой и государственной территории. Традиционная и современная культурная близость, отраженная в визуальных иконолических образах фотографии, может объективно явить родовую, этническую самобытность.

Фотографии должны отражать сущностные ценностные ориентиры, определяющие наполнение звеньев самосознания

Исходя из своей концепции личности, В. С. Мухина считает, *во-вторых*, что системный подход к сбору фотоматериала структурных звеньев самосознания может касаться: 1 – многообразия самопрезентации человека в визуально-знаковых прическах, татуировках, иссечениях кожи лица, плеч и других частей тела, одеждах и символических украшениях, отражающих статус и принадлежность к роду, этносу и др.; 2 – всего многообразия традиционных и личностных притязаний на признание, отраженного в деятельности, статусе, самопрезентации, других достижениях; 3 – особенностей половой идентификации мужчин и женщин всех возрастов и социальных статусов в их отношениях внутри своих гендерных групп и между группами в их самопрезентации и соответствии гендерным ролям; 4 – типичных социальных возрастно-гендерных визуально-знаковых презентаций; 5 – типичных внешних социально-нормативных телесных и жестовых выражений: идентификации, почтения, добротопожеланий, а также обособления, агрессии, проклятий и угроз.

Все внешние выражения типичных проявлений сущностных особенностей представителей того или иного рода, этноса могут быть представлены через предлагаемые проективные ситуации или удачно отловлены в спонтанных проявлениях представителей рода человеческого. В то же время всегда можно наблюдать соединенность старых и новых тенденций, а также влияние процессов глобализации на размывание родовых, этнических культур.

Метод научной фотографии может эффективно работать на исследователя, если тот последовательно опирается на четкую методологию, теоретическую позицию, систему знаний о человеке как личности и представителе определенной культуры.

1. *Tisso E. J.* Memoire sur les habitants. – Paris, 1863.
2. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор, Выражение эмоций у человека и животных. Соч. – Т. 5. – М., 1953.
3. *Петри Э. Ю.* Антропология. – Т. I. Основы антропологии. – СПб., 1890. VIII табл. 4 карты. – Т. II. Соматическая антропология с 41 рис. в тексте. – СПб., 1895, 1897.
4. Труды первого съезда русских деятелей по фотографическому делу. 27.03. – 5.04.1896 г. – М., 1897.
5. *Буринский Е. Ф.* О цветоделинии // Труды первого съезда русских деятелей по фотографическому делу. 27.03. – 5.04.1896 г. – М., 1897. – С. 28–43.
6. *Davann L. A.* Musee des techniques: Conservation National des Arts et Metiers. – Paris, 1885.
7. *Буринский Е. Ф.* Там же. – С. 28.
8. Там же. – С. 29.
9. Там же. – С. 30.
10. *Длужневская Г. В.* Историко-археологическое наследие азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XXв. (по фондам научного архива института истории материальной культуры РАН). Дис. ... д-ра истор. наук. – СПб., 2008. – С. 10.
11. *Тейлор Э.* Первобытная культура. – М., 1989.
12. *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. – М., 2004.
13. *Firth R.* Symbols; Public and Private. – L., 1973.
14. *Evans-Pritchard E. E.* Nuer Religion. – Oxf., 1956.
15. *Radcliff-Brown A. R.* The Social Organization of Australian Tribes // Oceania, 1930–1931. – №. 1–4.
16. *Leach E. R.* Pul Eliya: a Village in Ceylon. – Cambridge, 1961.
17. *Viveiros de Castro Eduardo.* Two rituals of the Xingu // Exploring Society Photographically / Red. Howard Becker. – Evanston: Northwestern University Press, 1981.

18. *Bertillon A.* Identification anthropometrique. Paris. 1880; *Bertillon A.* Ethnographie modern. – P., 1883; *Bertillon A.* La photographie judiciaire. – P., 1890; *Bertillon A.* Identification anthropom étrique. Instructions signalé tiques. – P., 1893.
19. *Торвальд Ю.* Век криминалистики: Пер. с нем. / Под ред. Ф. М. Решетникова. – 3-е изд. – М., 1991. – С. 39–45.
20. *Там же.* – С. 45.
21. *Ломброзо Ч.* Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. – М., 2004; *Ломброзо Ч.* Преступный человек. – М.; СПб., 2005.
22. *Ладыгина-Котс Н. Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях с 145 таблицами. – М., 1935. – С. XIII–XIV.
23. *Мухина В. С.* Тайнство детства: В 2-х т. – 3-е изд. – Екатеринбург, 2005.
24. *Kohler W.* Intelligenzprüfung an Menschenaffen. – Berlin, 1917.
25. *Гудолл Дж.* Шимпанзе в природе: поведение. – М., 1992. – С. 15.
26. *Bateson G., Mead M.* Balinese Character. A Photographic Analysis. – N. Y.: Academy of Sciences, 1942.
27. *Бунак В. В., Нестурх М. Ф., Рогинский Я. Я.* Антропология. Краткий курс. – М., 1941. Приложение: 35 фотографий представителей рас.
28. *Штрац К.* Расовая женская красота. С 242 автотипиями, исполненными по фотографическим снимкам с женских моделей разных национальностей с натуры. – М., 2004.
29. *Grosse E.* Kunstwissenschaftliche Studien: Kunst und Basse. – P. 117.
30. *Штрац К.* Расовая женская красота. С 242 автотипиями, исполненными по фотографическим снимкам с женских моделей разных национальностей с натуры. – М., 2004. – С. 356–357.
31. *Кон И. С.* Мужское тело в истории культуры. – М., 2003.
32. *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. М., 2007.
33. *Там же.* – С. 48–49.
34. *Там же.* – С. 57.
35. *Там же.* – С. 46.
36. *Sontag Susan.* On Photography. – N. Y., 1978. – P. 93.

37. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. – М., 2004.
38. Bateson G., Mead M. Balinese Character. A Photographic Analysis. – N. Y.: Academy of Sciences, 1942.
39. Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. – М., 2004.
40. Gesell A. Infant Development: The Embryology of early human behavior. – Westport: CT: Greenwood Press, 1972.
41. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. – М., 2007. – С. 35.
42. Scherer Shawn. A Photographic Method for the Recording and Evaluation of Cross-Cultural Proxemic Interaction Pattern // Principles of Visual Anthropology / Red. Paul Hockings. – The Hague: Moutin, 1995.
43. Hall E. Foreword // Visual Anthropology. Photography as a Research Method / Red. John Collier, Malcolm Collier. – Albuquerque: The University of New Mexico Press, 1986.
44. Артемова О. Ю. Колено Исавы: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). – М., 2009.
45. Там же. – С. 31–34.
46. Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура: (Эволюционные и кросскультурные основы невербальной коммуникации человека). – М., 2004. – С. 47.
47. Galman Sally A. C. The truthful messenger: visual methods and representation in qualitative research in education // Qualitative Research. – 2009. – Vol. 9. – № 2. – P. 197–217.
48. Hurdley R. Focal points: framing material culture and visual data // Qualitative Research. – 2007. – Vol. 7. – № 3. – P. 355–374.
49. Keats P. A. Multiple text analysis in narrative research: visual, written, and spoken stories of experience // Qualitative Research. – 2009. – Vol. 9. – № 2. – P. 181–195.
50. Punch S. Research with Children. Childhood. 2002. – Vol. 9. № 3. – P. 321–341.
51. Gold S. J. Using Photography in Studies of Immigrant Communities // American Behavioral Scientist. – 2004. – Vol. 47. – № 12. – P. 1551–1572.
52. Meinhof U. H., Galasinski D. Photography, Memory, and the Construction of Identities on the Former East – West German Border // Discourse Studies. – 2000. – Vol. 2. – № 3. – P. 323–353.

53. *Frohmann L.* The Framing Safety Project. Photographs and Narratives by Battered Women. *Violence Against Women*. – 2005. – Vol. 11. – № 11. – P. 1396–1419.

54. *Liebenberg L.* The visual image as discussion point: increasing validity in boundary crossing research // *Qualitative Research*. – 2009. – Vol. 9. – № 4. – P. 441–467.

55. *Савчук В. В.* Философия фотографии. – СПб., 2005. – С. 6.

56. *Там же.* – С. 10.

57. *Там же.* – С. 10.

58. *Kracauer S.* Das aesthetische Grundprinzip der Fotografie (1960) // *Theorie des Films. Die Erretung der ausseren Wirklichkeit*. – Frankfurt am Mein, 1964. – S. 42.

59. *Sontag Susan.* On Photography. – N. Y.: Farrar, Strauss@Giroux, 1978.

60. *Bart R.* Camera lucido. – N. Y., 1965.

61. *Kracauer S.* Das aesthetische Grundprinzip der Fotografie (1960) // *Theorie des Films. Die Erretung der ausseren Wirklichkeit*. – Frankfurt am Mein, 1964.

62. *Усманова А.* Визуальный поворот и гендерная история // От «истории» к истории: гендерный подход к исторической науке в странах переходного периода. – Минск, 1999.

63. *Mitchell W. J. T.* «What is Visual Culture?», in Irving Lavin, ed. *Meaning in the Visual Arts: View from the Outside*. – N. Y.: Institute for Advanced Study, 1995.

64. *Ярская-Смирнова Е., Романов П.* Взгляды и образы: методология, анализ, практика // *Визуальная антропология: настройка оптики*. – М., 2009. – С. 7–16.

65. *Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. – Ростов-н/Д., 2009. – С. 248.

66. *Там же.* – С. 249.

67. *Нуркова В. В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // *Ежегодник Российского психологического общества. Специальный выпуск*. – М., 2005. – Т. 1. – С. 25–27; *Нуркова В. В.* Зеркало с памятью. Феномен фотографий: Культурно-исторический анализ. – М., 2006.

68. *Лакосина Н. В.* Фотовизуализация жизненных событий как фактор отношения личности к своей жизни // *Психология человека в современном мире*. – Т. 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях

психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. – М., 2009. – С. 235–242.

69. *Копытин А. И.* Тренинг по фототерапии. – СПб., 2003; *Вейзер Дж.* Техники фототерапии: использование интеракций с фотографиями для улучшения жизни людей // *Визуальная антропология: настройка оптики.* – М., 2009. – С. 64–109.

70. *Петрова Е. А.* Знаки общения. Визуальная психосемиотика. – М., 2001.

71. *Лакосина Н. В.* Фотовизуализация жизненных событий как фактор отношения личности к своей жизни // *Психология человека в современном мире.* – Т. 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. – М., 2009. – С. 238.

72. *Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. – Ростов-н/Д., 2009. – С. 250.

73. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. – М., 1988. – С. 400–401.

74. *Кривцун О. А.* Творческое сознание художника. – М., 2008. – С. 47.

75. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010.